

Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР с точки зрения западных аналитиков

М.М. Чайковский, А.А. Казанцев

В статье дается краткий обзор военно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе на фоне его высокодинамического экономического развития. В связи с растущей значимостью АТР в глобальной экономике военные и политические аналитики Запада рассматривают усиление мощи КНР как вызов безопасности и влиянию США не только в этом регионе, но и в планетарном масштабе. По их мнению, рост американо-китайского военного противостояния в регионе ведет к складыванию новой международно-политической конфигурации в сфере безопасности и возникновению очередной «холодной войны», связанной прежде всего с АТР. В статье анализируется динамика военных расходов ключевых акторов региона, свидетельствующая о быстром наращивании их военного потенциала, сделаны выводы о необходимости и важности глубокого анализа и проработки сценариев вероятного развития событий с точки зрения эффективного обеспечения интересов России в АТР.

Современная ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) характеризуется чрезвычайно высокой динамикой политических и экономических процессов, направленных на преобразование этого огромного региона в новый центр глобальной политики и экономики, способный не только составить конкуренцию евро-атлантической оси на фоне мирового экономического кризиса, но и стать сильнейшим центром притяжения, определяющим дальнейшее развитие человеческой цивилизации. В связи с переносом основного упора в мировой экономической активности с Евро-Атлантического на Азиатско-Тихоокеанский регион эта часть мира превращается в объект пристального внимания всех ведущих держав мира.

Эта тенденция четко проявляется в политике России. В частности, с 1 по 8 сентября 2012 г. во

Владивостоке пройдет двадцать четвертая ежегодная встреча лидеров государств АТЭС. Диверсификация интересов России по направлению к АТР может позволить существенно уменьшить зависимость нашей страны от торгово-экономических связей с ЕС и соответственно увеличить нашу экономическую безопасность. В этой связи нас не может не интересовать ситуация в регионе, где расположены две ключевые военные державы мира (США и КНР), в первую очередь с точки зрения проблем обеспечения военной безопасности.

Политические усилия большинства стран АТР в настоящее время направлены на реализацию радикальных экономических преобразований с целью создания наиболее благоприятных условий для экономического развития на различных уровнях (национальном, региональном, глобальном). Складывание ситуации в АТР характеризуется

Чайковский Михаил Михайлович – к.ф.-мат.н., сотрудник Аналитического центра ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: mmtchaikovsky@hotmail.com

Казанцев Андрей Анатольевич – д.полит.н., директор Аналитического центра ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: andrka@mail.ru

■ Российское государство в системе международных отношений

исключительно масштабными взаимными интеграционными процессами, которые сопровождаются формированием и дальнейшим укреплением многосторонних экономических и политических объединений (АСЕАН, СААРК, АРФ, АТЭС, ШОС, БРИК, АСЕАН+3, АСЕАН+6, треугольники «Китай–Япония–Южная Корея», «Россия–Индия–Китай» и др.).

Политические и экономические процессы в регионе в значительной степени определяются влиянием и патронажем США, которые рассматривают АТР в качестве объекта приложения экономической, политической и военной сил. Опорой для сохранения влияния США в АТР является передовое базирование вооруженных сил, представленных Тихоокеанским командованием ПАКОМ, а также двусторонние альянсы с Японией, Австралией и Южной Кореей. Политика США в АТР направлена на устранение существующих и недопущение возникновения новых барьеров для своих товаров и инвестиций, в целом своего влияния.

США поддерживают в регионе такие объединения, как АСЕАН, АРФ и АТЭС, то есть те организации и форумы, которые позволяют США сохранять лидирующие позиции в АТР¹. Вашингтон не может не проявлять беспокойства в связи с растущей экономической и военной мощью КНР. США видят в усилении этой мощи вызов своей безопасности и влиянию не только в этом регионе, но и в планетарном масштабе. Меры экономического воздействия США на КНР в современном мире практически исчерпаны. Уместно в этой связи вспомнить и о колоссальном внешнем государственном долге США Китаю, и о перемещении значительных объемов промышленного производства из США в КНР, мотивированного расчетом на дешевую рабочую силу в этой стране, что привело к дефициту рабочих мест и росту социальной напряженности в самих США. Поэтому главным инструментом противодействия США усилению КНР в настоящее время являются политические и дипломатические меры сдерживающего характера.

Политические устремления КНР в АТР, направленные на достижение статуса сверхдержавы не только регионального, но и глобального масштаба, реализуются посредством разумного и эффективного использования мощнейшего экономического роста и активной экспансии национального капитала за рубеж². Внешняя политика КНР, традиционно не связанная жесткими союзническими обязательствами и ориентированная на достижение прежде всего национальных интересов, является целеустремленной, последовательной и гибкой и подкрепляется серьезными ресурсами. Невозможно отрицать и факт проведения серьезных преобразований в оборонном строительстве КНР. Все более четко прослеживается новый курс развивающегося Китая на расширение ареала геополитического влияния путем проецирования своей военной мощи за пределы материка, в первую очередь для защиты интересов КНР в прибрежных акваториях³.

Все вышесказанное привлекает к региону АТР пристальное внимание зарубежных военных аналитиков. Исследование их точек зрения может быть полезно с точки зрения эффективного обеспечения интересов России в регионе.

Стремительный рост военных расходов

Динамика роста военных расходов стран АТР в течение первого десятилетия XXI в. свидетельствует о быстром наращивании военного потенциала ключевыми игроками региона – США, КНР, Японией, Южной Кореей, Австралией. В военно-политическом плане Тихоокеанская Азия разделена на военно-политические союзы Японии и Южной Кореи с США, политико-экономическую структуру АСЕАН и остальные страны, включая расположенный за геополитическими границами Тихоокеанской Азии Китай, который входит в ШОС, и Северную Корею (формально — в рамках военно-политического союза с Китаем).

Безусловно, астрономические военные расходы США, увеличившиеся более чем в 2 раза – с 301,697 млрд долл. в 2000 г. до 661,049 млрд долл. в 2009 г.⁴, – определяют основную составляющую в гонке вооружений стран АТР в первом десятилетии нового века. По данным Центра анализа мировой торговли оружием (ЦАМТО), в 2010 г. Пентагон получил на свои расходы почти 700 млрд долларов. Новая стратегия национальной обороны США, представленная 5 января 2012 г. президентом Обамой⁵, стала следствием необходимости сократить расходы Пентагона на следующее десятилетие почти на полтриллиона долларов. По мнению экспертов⁶, новое видение национальной обороны США было продиктовано бюджетными проблемами, несмотря на утверждения президента Обамы и министра обороны Панетты о чисто стратегических соображениях корректировки военных расходов. Сам Панетта давал понять, что армия, которую Пентагон будет содержать, станет меньше и скромнее. Другие чиновники администрации США утверждали, что в связи с финансовыми трудностями планируется сократить состав армии и флота от 10 до 15% в течение следующих 10 лет.

По мнению ряда российских, китайских и западных экспертов, поправки, вносимые в оборонный бюджет США, отражают подготовку Соединенных Штатов к новой «холодной войне». И если первая «холодная война» была направлена против СССР, то новая будет нацелена прежде всего на Азиатско-Тихоокеанский регион. После сокращения своей численности армия США будет не способна проводить крупномасштабные, длительные операции, и даже небольшие рейды будут осуществляться реже в связи с тем, что ограниченные ресурсы требуют более взвешенного подхода, связанного с определением места проведения и интенсивностью подобных операций. Вместо этого предполагается сосредоточение усилий на кибервойне и использовании беспилотных летательных аппаратов (БЛА). США сократят свой ядерный арсенал, а также пересмотрят свою роль в стратегии обороны своих союзников в целом.

В новой концепции декларируется отказ от многолетней позиции американской армии, которая была способна вести две крупные войны одновременно. На ее место приходит другая цель – борьбы и сдерживания, то есть участие в одном крупном конфликте при одновременном сдерживании на другом стратегическом направлении, как максимум. Также согласно новой стратегии США планируют как можно дольше кооперироваться с союзническими и коалиционными силами. Одна из главных целей — значительно сократить наземные войска и больше полагаться на потенциал авиации и флота, с тем чтобы сдерживать Китай или таких противников, как Иран или Северная Корея. Сокращение армии требует и менее интенсивного военного присутствия в Европе. В то же время США перенесут центр тяжести своего военного присутствия на АТР и Ближний Восток.

Без сомнения, сейчас Азиатский регион становится для США задачей номер один в связи с растущей мощью КНР. Для того чтобы укрепить свои позиции в АТР, США выведут часть войск из Европы (однако не с Ближнего Востока) и попытаются сэкономить на содержании своего ядерного арсенала. Новая американская военная стратегия направлена на сдерживание Ирана (а также КНР) путем усиления военного присутствия США в Персидском заливе и Южно-Китайском море, на противодействие Ирану или КНР с использованием асимметричных средств борьбы (электронных или кибератак, баллистических и крылатых ракет, усовершенствованных средств ПВО). Новая стратегия американской национальной обороны свидетельствует о том, что «США будут обеспечивать себе возможность эффективно действовать на тех участках земного шара, доступ к которым максимально затруднен, поддерживать возможность распространять свое влияние там, где это особенно трудно».

По мнению экспертов, США продолжают использовать свой статус супердержавы, чтобы «защищать свободу доступа к тем районам, которые находятся вне чьей-либо юрисдикции и являются жизненно необходимыми связующим звеном международной системы»⁵. Проект закона о федеральном бюджете США, представленный сенату президентом Б. Обамой 13 февраля 2012 г., предусматривает финансирование систем ПРО в 2013 финансовом году на 9,7 млрд долл. В текущем 2012 финансовом году на систему ПРО США выделили 8,6 млрд долл., в 2011 г. – 7,8 млрд. Также Белый дом просит Конгресс выделить в будущем финансовом году 3,8 млрд долл. на разработки новых беспилотных летательных аппаратов, 8 млрд – на космические системы военного назначения, 11,9 млрд – на развитие науки, военных технологий и инноваций и 2,1 млрд — на уже ведущиеся разработки. Общий объем планируемого бюджета Пентагона составляет 614 млрд долл. Госбюджет США на 2013 финансовый год составит около 3,8 трлн долларов при дефиците в 1 трлн. Он составлен с учетом будущего повышения налогов на состоятельных американцев и ряда мер по сокращению

оборонных расходов. Бюджет на 2012 финансовый год планировался в объеме 3,73 трлн долларов при том же дефиците в 1 трлн долл.

КНР с 2002 по 2009 г. поднялась в мировом рейтинге расходов на вооружение с 7-го места на 2-е⁷. Рост официальных военных расходов КНР чрезвычайно динамичен — почти в 5 раз за 10 лет: от 21,743 млрд в 2000 г. до 100,425 млрд в 2009 г. Следует принимать во внимание, что в ежегодных докладах министерства обороны США Конгрессу⁸ реальные военные расходы КНР оцениваются как в 1,7–2,6 раза превышающие официально декларируемые суммы. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что официальные военные расходы КНР (расходы государственного бюджета по статье «Национальная оборона») не являются единственным источником финансирования, и реальные военные расходы существенно превосходят официальные. В частности, Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (SIPRI) в 2004 г. доказал, что официальные военные расходы КНР предназначены главным образом для финансирования НОАК, в то время как финансирование фундаментальных оборонных исследований, перевооружения и развития ВПК осуществляется из других бюджетных источников: Фонда научных исследований и разработок и Фонда развития новых видов продукции. Согласно оценке SIPRI, реальные военные расходы Китая в среднем более чем вдвое превышают официальные. Таких же оценок придерживаются и американские исследовательские центры, в частности Центр стратегических международных исследований (CSIS)⁹.

Настоящая гонка вооружений ведется в странах Юго-Восточной Азии, выполняющих крупномасштабные программы развития ВВС, ПВО-ПРО, ВМС, сухопутных сил. Нарастивают свои военные потенциалы Япония (которая не урезала свои программы даже в связи с природной катастрофой в марте 2011 г.), Южная Корея, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Индия, Австралия, Сингапур, Филиппины, прочие государства этого региона. Размеры перевооружения отличаются только финансовыми возможностями этих стран. Южная Корея за 10 лет увеличила военные расходы почти в два раза: с 13,8 млрд в 2000 г. до 24,059 млрд в 2009 г., несмотря на сокращение военных расходов в кризисном 2009 г., по сравнению с экономически стабильным 2007 г. Военные расходы Японии, напротив, не продемонстрировали существенных изменений в ходе десятилетия, в 2000 г. они составляли 45,801 млрд, а в 2009 г. 51,022 млрд долл. США. Военные расходы России выросли в первом десятилетии XXI в. более чем в 5 раз: с 9,635 млрд в 2000 г. до 53,33 млрд в 2009 г. Более чем в 2 раза за 10 лет нарастили свои военные расходы Австралия, Новая Зеландия и Канада.

Официально США не считают Китай потенциальным противником, но в опубликованной в начале 2011 г. военной стратегии США говорилось о проблемах, которые создает в АТР рост китайской

■ Российское государство в системе международных отношений

военной мощи. На этот фактор ориентированы и пересматриваемые военные доктрины стран-союзниц США, то есть имеют место зачаточные элементы роста блокового противостояния. Так, новая военная программа Японии предусматривает подготовку сил самообороны к противостоянию возможной высадке на южных островах сил некоего противника (подразумевается – Китая). В австралийском докладе 2011 г. о военной ситуации в АТР говорится об опасности со стороны китайского оружия для американских авианосцев на удалении вплоть до 1200 миль от побережья КНР. Утверждается также, что «Китай размещает баллистические и крылатые ракеты, способные в течение считанных часов уничтожить американские базы на Гуаме, в Японии и других местах». На основе подобных рассуждений принимаются масштабные военные программы. Так, Япония намерена в период с 2011 по 2015 г. израсходовать на модернизацию сил самообороны 284 млрд долл. Планируется приобрести 5 подводных лодок, 3 эсминец, 12 истребителей и 10 патрульных самолетов. Австралия выделяет 279 млрд долл. на 20-летнюю программу наращивания своих вооруженных сил, где также в основе лежит строительство новых боевых кораблей. Начавшаяся в 2006 г. южнокорейская военная программа предусматривает расходы на цели перевооружения в течение 15 лет в размере 550 млрд долл. Речь идет прежде всего о приобретении новых боевых самолетов и кораблей.

Указанные тенденции возникновения элементов блокового противостояния имеют важное значение и для России, так как КНР считает нашу страну и другие государства ШОС если и не потенциальными союзниками, то надежным материковым «тылом», необходимым для противостояния на морях.

Очагами напряженности в АТР остаются противостояние Северной и Южной Корей, Тайваньский вопрос, о-ва Сэнкаку (Дяюйдао), Парасельские острова и острова Спратли. Развитие ситуации вокруг данных конфликтных зон напрямую связано с военно-политической обстановкой в АТР в целом, сохранением или ухудшением геостратегической стабильности на уровне региона. Во всех этих конфликтных зонах развивающийся и усиливающийся день ото дня Китай имеет свои национальные интересы, которые намерен защищать и реализовывать, а это, в свою очередь, сопряжено с парадигмой проводимой КНР военной политики, уровнем военного потенциала и присутствия в данном районе.

Экспорт и импорт вооружений

Крупнейшими экспортёрами вооружений в мире являются Россия и США. По данным SIPRI¹⁰, примерно 30% мирового экспорта оружия приходится на США, 23–24% – на Россию. Следует отметить, что с 2006 г. объемы импорта вооружений в Китай значительно сократились (3,778 млрд долл. США в 2006 г., 1,47 млрд в 2007 г., 1,241 млрд в 2008 г.). При этом Китай, по данным SIPRI, еще в 2009 г. возглавлял список оружейных реципиентов

(9%), что свидетельствует о его переориентации на внутреннее производство и об амбициях стать экспортёром современных видов вооружений и военной техники (ВВТ).

Россия традиционно удерживает роль одного из главных источников ВВТ для китайской армии (доля закупок вооружений у нашей страны составляет 84%, а до 2010 г. и до 90%). Однако, несмотря на стремительный подъем военно-технического сотрудничества с Китаем в 2004–2006 гг., его уровень резко упал к 2010 г., приблизившись к начальным объемам 1990-х гг. XX в. (стратегическое партнерство между Россией и Китаем было продекларировано в 1996 г.). Этот факт можно объяснить переориентацией Китая на внутреннее производство ВВТ и копированием импортных технологий при создании собственных образцов. Однако, как утверждают аналитики SIPRI, КНР не исключает закупки такой передовой российской техники, как Ил-476 (планируется в России к выпуску в 2012 г.), Су-35 (несмотря на планы создания своего китайского истребителя 5-го поколения) и С-400. Эксперты SIPRI убеждены, что Россия конструктивно отреагирует на изменившиеся требования китайского ОПК и согласится развивать больше лицензионное производство (например, истребителей Су-27, вертолетов Ми-17, противотанковых и противокорабельных крылатых ракет), нежели наращивать поставки готовых вооружений¹¹.

Вооруженные силы

В первом десятилетии XXI в. КНР произвела значительное сокращение общей численности НОАК: с 3,755 млн чел. в 2004 г. до 2,855 млн чел. в 2007 г. Несмотря на то что НОАК является крупнейшей в мире по численности, до недавнего времени она была не способна проводить крупные наступательные операции за пределами национальной территории. Сокращение общей численности НОАК происходит на фоне ее непрекращающейся успешной модернизации. Так, по оценкам МО США¹², процент современных вооружений НОАК в 2000/2004/2008/2010 гг. в надводном флоте ВМС составлял 3/7/25/26%, в подводном флоте ВМС – 8/9/50/57%, в ВВС – 2/10/20/25%, в войсках ПВО – 5/10/34/40%.

В последние годы Китай начал быстрыми темпами наращивать свой наступательный потенциал, приняв на вооружение новейшие образцы вооружений. Уже сейчас КНР обладает значительным военным потенциалом в регионе. С ростом мощи китайского военно-морского флота ширится и укрепляется его морской оборонительный периметр. По оценкам МО США, в 2009 г. ВМС НОАК насчитывали 260 кораблей и судов, в том числе 75 надводных кораблей основных классов и более 60 подводных лодок¹³. В настоящее время КНР заканчивает строительство первого авианосца и заинтересована в приобретении у России палубных истребителей. Численность личного состава ВМС НОАК в 2010 г., по данным Лондонского международного института стратегических исследований, составляла 215 тыс.

чел., организованный резерв насчитывал 40 тыс. чел.

В ближайшие годы следует ожидать продолжения процесса эволюционной переориентации базовых положений национальной военно-стратегической доктрины Китая, приведения их в соответствие с уже реализуемым курсом модернизации НОАК, связанным в первую очередь именно с укреплением военно-морской составляющей. В опубликованном в марте 2008 г. докладе МО США Конгрессу¹⁴ делается вывод о том, что все эти перемены в НОАК свидетельствуют о намерении китайских военных нейтрализовать американское военно-техническое превосходство в акватории Тихого океана, прилегающей к побережью КНР. При этом часть стран региона является традиционными союзниками США:

– американо-филиппинский Договор о взаимной обороне 1952 г.;

– АНЗЮС (Австралия – Новая Зеландия – Соединенные Штаты, 1952 г.);

– американо-южнокорейский Договор о взаимной обороне 1954 г.;

– Договор о коллективной обороне в Юго-Восточной Азии между США, Францией, Австралией, Новой Зеландией, Таиландом и Филиппинами;

– американо-японский Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г.

КНР шаг за шагом укрепляет свои позиции в Мьянме, Индонезии, Восточном Тиморе, Бангладеш, Республике Островов Фиджи и других государствах региона. Наряду с этим в последней редакции «Белой книги по национальной обороне КНР», одном из основополагающих официальных программных документов, составляющих военно-стратегическую доктрину страны, основными вызовами и угрозами Китаю в регионе и в мире называются международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения и сепаратизм с учетом национальной задачи воссоединения родины. На практике эта задача предполагает присоединение к КНР Тайваня на выдвигаемых Пекином условиях и установление контроля над спорными островными территориями в Южно-Китайском море и Восточно-Китайском море: Парасельские острова, архипелаг Спратли, острова Сенкаку (Дяоюйдао). В первую очередь это обуславливается прогнозом наличия больших запасов неразработанных энергетических ресурсов в этих регионах. Задача воссоединения родины указывается в числе основных при обеспечении национальной обороны наряду с предотвращением вооруженной подрывной деятельности, защитой общественной стабильности и защитой интересов страны в прибрежных акваториях.

С идеологической точки зрения военно-стратегическая доктрина КНР ориентирована на противодействие однополярному мироустройству. В официальных заявлениях Китай выражает готовность принять на себя всю ответственность по защите мира и стабильности движущегося к многополярности мира от геополитических рисков, вызовов и угроз XXI в. В качестве геополитических сил, противодействующих реализации

национальных интересов КНР, в официальных документах военно-стратегической доктрины КНР называются силы международного терроризма, а также государства, проводящие «политику силы и гегемонии». Это неявно может указывать на США и государства региона, поддерживающие внешнюю политику США. Однако ни в одном из официальных документов нет никаких прямых указаний на какие-либо конкретные страны. С 2002 г. Пекин декларирует отсутствие угрозы для третьих стран со своей стороны, призывая развитые и особенно развивающиеся государства к диалогу и взаимовыгодному сотрудничеству. При этом подчеркивается, что оборонное строительство Китая не представляет никакой угрозы ни для одного государства.

В широко публикуемых статьях китайских исследователей особо подчеркивается этот аспект отсутствия определенного противника, а тиражируемая на Западе теория китайской военной угрозы называется опасным мифом¹⁵. Как отмечают аналитики SIPRI, растущее глобальное присутствие КНР означает увеличивающуюся осведомленность и участие страны в международных экономических и политических событиях. Поскольку национальные интересы Китая стали более глобальными по своим масштабам, КНР демонстрирует повышенную готовность предоставлять ресурсы для обеспечения стабильности и безопасности в мире в целом. Одним из наиболее важных проявлений данной тенденции является расширяющаяся роль КНР в миротворческой деятельности ООН¹⁶.

Тем не менее в регионе пока что преобладает военный потенциал США и их союзников. В АТР сосредоточена мощная группировка вооруженных сил США, управляемая Тихоокеанским командованием, в оперативном подчинении которого находятся около 300 тыс. американских военнослужащих, включая 100 тыс. чел. в силах передового базирования. Помимо сухопутных сил и ВВС, ПАКОМ имеет в подчинении 3-й и 7-й флоты (190 боевых кораблей и судов поддержки, включая 7 ударных атомных авианосцев, 1400 самолетов и 213 тыс. моряков, морских пехотинцев и гражданских служащих, расквартированных на 35 базах на территории США и за их пределами), а также 5-е, 7-е, 11-е и 13-е воздушные командования. В распоряжении командования специальными операциями в Тихоокеанском регионе находится отдельная общевойсковая тактическая группа. В качественном отношении, а также по числу кораблей океанской зоны американский флот значительно превосходит ВМС НОАК.

Азиатско-Тихоокеанский регион, безусловно, является перспективным театром развертывания элементов глобальной системы ПРО США морского и наземного базирования. С учетом мобильных характеристик морских комплексов можно сказать, что именно они являются важнейшим компонентом глобальной системы ПРО. В состав ВМС США входят боевые корабли классов «Тикондерога» (22 крейсера УРО) и «Арли Берк» (60 эскадренных

■ Российское государство в системе международных отношений

миноносцев), оснащенных элементами системы «Иджис», универсальной системы ПРО морского базирования и противоракетами «Стэндрд-3».

Высокоэффективные двухдиапазонные РЛС позволяют легко отделять ложные цели, выставляемые МБР, от реальных боеголовок. Система «Иджис» интегрирована в корабельную боевую информационно-управляющую систему (БИУС), которая, в свою очередь, интегрирована в глобальную БИУС ВМС США. После 2015 г. система «Иджис» должна обеспечивать обнаружение БР и МБР, выработку и трансляции целеуказания в Национальный объединенный интегрирующий центр США, а также поражение МБР противоракетами «Стэндрд-3» по командам центрального командного пункта глобальной системы ПРО. С принятием на вооружение системы «Иджис» США приобрели способность в кратчайшие сроки формировать трехэшелонные зональные системы ПРО в любых районах земного шара. Кроме боевых кораблей ВМС США, системой «Иджис» оснащены 6 кораблей ВМФ Японии, 3 корабля ВМФ Южной Кореи и 3 корабля ВМФ Австралии.

Помимо компонентов системы ПРО морского базирования, в регионе расположен ряд РЛС дальнего обнаружения и ближнего предупреждения, включая РЛС передового базирования на о. Хонсю. В рамках военного сотрудничества США заключили с Японией договоры о создании системы ПРО в этой стране, строительстве для ВМС Японии серии эскадренных миноносцев типа «Арли Берк» с системой «Иджис», поставках в Японию противоракетных комплексов (ПРК) «Пэтриот ПАК-3» и РЛС, о совместном проведении работ по совершенствованию противоракет семейства «Стэндрд-3». Сухопутная составляющая глобальной системы ПРО США представлена также мобильными наземными ПРК ТНААД и «Пэтриот ПАК-3» средней и ближней зон перехвата. До 2016 г. батареи ТНААД по мере поступления в войска будут размещаться на Аляске (9 батарей) и в Калифорнии (2 батареи), а 11 баз с ПРК «Пэтриот ПАК-3» уже в марте 2011 г. были развернуты на востоке и западе США.

Группировка в составе одной пусковой установки ПРК ТНААД и двух пусковых установок ПРК «Пэтриот-3» способна с вероятностью 0,99 поразить 8 боевых блоков МБР, атакующих объекты, размещенные на площади примерно 17000 кв. км. Группировка в составе трех пусковых установок ПРК ТНААД и шести «Пэтриот ПАК-3» способна с вероятностью 0,99 поразить 24 боевых блока МБР, атакующих объекты, размещенные на той же площади. К настоящему моменту США достигли защищенности своей территории от ограниченных нападений МБР, защищенности своей армии, а также сил союзников от региональных ракетных угроз, а также возможности адаптировать системы ПРО к изменению возможных ракетных угроз. От массированного ракетно-ядерного ответно-встречного удара действующая система ПРО США пока защитить не может. Однако ряд западных экспертов полагает, что происходящий технологический прорыв вычислительной техники на основе квантовых компьютеров может привести к созданию перспективной системы ПРО, способной противостоять массированному удару.

Оценки Центра стратегических международных исследований (CSIS)¹⁷ для стратегических и тактических ядерных сил США, КНР и России в ряде случаев не совпадают с оценками ядерных сил¹⁸, полученными или представленными министерством обороны США в свободно публикуемых ежегодных отчетах Конгрессу¹⁹. Они носят завышенный характер, что вызывает сомнения в абсолютной достоверности оценок CSIS и для обычных вооружений. Более достоверными оценками обычных вооружений НОАК представляются данные, которые приводятся в ежегодных отчетах МО США Конгрессу, хотя эти данные и являются менее детализированными по сравнению с оценками CSIS. На фоне последовательного сокращения ядерных сил США и России, обусловленных двусторонними договорами, происходит постепенное наращивание ядерных арсеналов КНР, хотя по количеству как носителей, так и боеголовок Китай уступает обеим ядерным державам. Количество ядерных боеголовок КНР, которыми можно поразить цели в США, остается крайне ограниченным – не более 30 единиц (моноблочные ракеты типов CSS-4, DF-31 и DF-31A). Теоретически при развитии наихудшего сценария первый и второй позиционные районы национальной системы ПРО США (в Калифорнии и на Аляске) могут перехватить и уничтожить те боеголовки, которые уцелеют после первого, контрсилового удара стратегических сил США, нейтрализовав тем самым потенциал ответного удара.

В последние годы китайская сторона обеспечила количественный рост и качественное совершенствование стратегических ядерных сил. Так, в июне 2005 г. американская разведка зафиксировала успешное испытание китайской БРПЛ класса JL-2 («Цзюйлан-2»). Эта ракета способна поразить цель на расстоянии до 7200 км, находясь на ПЛАРБ вблизи китайских берегов под защитой ВМФ и ВВС КНР. Кроме того, осуществляется программа по переоснащению китайских МБР разделяющимися головными частями индивидуального наведения и средствами прорыва противоракетной обороны. Таким образом, Китай совершенствует свою способность к ядерному сдерживанию США.

В краткосрочном плане западные аналитики не рассматривают даже гипотетическую возможность военного конфликта между США и КНР, поэтому отношения между этими странами они не относят к разряду возможных угроз региональной безопасности. Однако в долгосрочном плане такие сценарии уже начинают строиться. Стратегические ядерные силы КНР характеризуются значительным количеством баллистических ракет малой и средней дальности, производство и постановка на вооружение которых не ограничены никакими договорами, в отличие от США и России, заключившими в 1988 г. бессрочный Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. С другой стороны, с момента проведения первых ядерных испытаний в 1964 г. Китай поддерживает обязательство не применять первым ядерное оружие. По сравнению с США и Россией, КНР обладает наименьшим ядерным арсеналом. КНР призывает мировые ядерные державы к полной ликвидации ядерного оружия, провозглашая

при этом, что проблемы нераспространения ядерного оружия должны решаться законным и справедливым способом, который признает легитимное право неядерных государств получать доступ к мирному использованию ядерных технологий²⁰.

Заключение

Политические и экономические процессы в АТР пока еще во многом определяются влиянием США, но во все большей мере они детерминируются растущим соперничеством США и КНР. Политика США в АТР направлена на осуществление дальнейшего устранения и недопущение возникновения новых барьеров для своих товаров и инвестиций. В США усиливается беспокойство в связи с растущей экономической и военной мощью КНР, которая закономерно приведет к росту политического влияния Китая в АТР и утрате практически монопольного экономического и геополитического регионального могущества США.

В связи с растущей значимостью АТР в глобальной экономике усиление мощи КНР рассматривается военными и политическими аналитиками Запада как вызов безопасности и влиянию США не только в этом регионе, но и в планетарном масштабе. Особое беспокойство западных военных аналитиков вызывает факт почти двукратного занижения официальной китайской статистикой военных расходов. На этот фактор ориентированы и пересматриваемые военные доктрины стран-союзниц США в АТР. Главным инструментом противодействия США усилению КНР в настоящее время являются политические и дипломатические меры сдерживающего характера. Поправки, внесенные в оборонный бюджет США в 2012 г., фактически отражают подготовку США к новой «холодной войне», направленной прежде всего на Азиатско-Тихоокеанский регион. Поскольку все региональные игроки чувствуют усиление тенденции к военному противостоянию, стремление к резкому росту военных расходов охватило все тихоокеанские страны, а не только США и КНР.

В то же время геополитические устремления КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе, направленные на достижение статуса сверхдержавы не только регионального, но и глобального масштаба, реализуются посредством разумного и эффективного использования мощнейшего экономического роста и активной экспансии национального капитала за рубеж. Внешняя политика КНР подкрепляется высокими темпами наращивания и модернизации военной мощи страны, что вызывает очень серьезную озабоченность западных военных аналитиков.

С идеологической точки зрения военно-стратегическая доктрина КНР ориентирована на противодействие однопольному мироустройству. В официальных заявлениях западные эксперты полагают, что в ближайшие годы следует ожидать продолжения процесса эволюционной переориентации базовых положений национальной военно-стратегической доктрины Китая. По мнению западных аналитиков, эти перемены будут связаны с намерением китайских военных нейтрализовать американское военно-техническое превосходство в акватории Тихого океана, прилегающей к побережью КНР.

Таким образом, рост американо-китайского военного противостояния в регионе, по мнению ряда западных аналитиков, ведет к складыванию новой международно-политической конфигурации в сфере безопасности АТР, где театром противостояния будут выступать просторы омывающих регион морей. Печальный исторический опыт перехода военного противостояния в открытые военные столкновения (например, в германо-британских отношениях перед Первой мировой войной и в японо-американских отношениях перед Второй мировой войной) заставляет отдельных, наиболее радикальных западных аналитиков даже начать двигаться в сторону построения на долгосрочную перспективу сценариев возможного военного конфликта между КНР и США (правда, в краткосрочном плане западные аналитики не рассматривают даже гипотетическую возможность прямого военного конфликта между США и КНР, поэтому отношения между этими странами не относят к ряду возможных угроз региональной безопасности).

С точки зрения интересов России анализ таких долгосрочных сценариев является чрезвычайно важным, так как китайские аналитики рассматривают нашу страну если не как потенциального союзника, то, по крайней мере, как потенциальный надежный материковый «тыл» в противостоянии на морях. В этой связи российским аналитикам следует также начать прорабатывать сценарии, которые позволили бы, как минимум, избежать автоматического, без учета наших особых национальных интересов, втягивания нас в американо-китайское противостояние, а, как максимум, извлечь из этого противостояния определенные геополитические выгоды.

В частности, в качестве уже наметившейся тенденции, которой нужно противостоять, можно обратить внимание на резкое падение закупок Китаем военной техники в России и на его попытки полностью переориентироваться на внутреннее производство (в том числе и с использованием купленных ранее в нашей стране технологий). Более того, Китай зачастую использует российские военные технологии для вытеснения наших производителей с мировых рынков.

Tchaikovsky M., Kazantsev A. Comparison of Military Potentials of USA, PRC, and Some Countries in APR from the Standpoint of Western Analysts.

Summary: The article gives a brief review of military and political situation in the Asian-Pacific Region against a background of its high-dynamic economic development. In connection with the rising significance of the APR in the global economy, Western military and political analysts consider the PRC power strengthening as a challenge to the security and impact of the USA not only in this region, but also globally. By their opinion, escalation of American-Chinese military opposition in the region leads to formation of new international polytical configuration in the filed of security and rising of new cold war mainly aimed at the APR. The dynamics of military expenditures of the key regional players is analyzed evidencing the fast grow of their military potentials. The article concludes that detailed analysis and study of scenarios of probable development of the situation in respect to effective securing of Russia's interests in the APR are necessary and important.

■ Российское государство в системе международных отношений

Ключевые слова

Азиатско-Тихоокеанский регион, военно-политическая ситуация, силы, безопасность, расходы, приближительная оценка.

Keywords

Asian-Pacific Region, military, political situation, power, security, expenditures, estimation.

Примечания

1. Бочарников И.В. 2011. Азиатско-Тихоокеанский регион и национальная безопасность России. Части 1, 2 // Но-вое восточное обозрение. <http://journal-neo.com/?q=ru/node/6756>, <http://journal-neo.com/?q=ru/node/6757>
2. См., например: Цзяньминь У. 2011. Конец эпохи войн и революций // Россия в глобальной политике, <http://www.globalaffairs.ru/number/Konets-epokhi-vojn-i-revoljucii-15400>
3. Понамарев С. 2007. КНР: Новая великая морская держава? // Индекс безопасности, том 13, №2 (82).
4. The World Bank. 2011. World Development Indicators and Global Development Finance. <http://data.worldbank.org/data-catalog>
5. US DoD. 2012. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense: Defense Strategic Guidance, Office of the Assistant Secretary of Defense. http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf
6. Бхадракумар М.К. 2012. Империализм в эпоху безденежья: подземный шторм // Международная жизнь. <http://ru-fr.interaffairs.ru/read.php?item=8231>
7. The World Bank. 2011. World Development Indicators and Global Development Finance. <http://data.worldbank.org/data-catalog>
8. US DoD. 2005-2009. Military Power of the People's Republic of China 2005, 2006, 2007, 2008, 2009: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>; US DoD. 2010-2011. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010, 2011: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
9. Cordesman A.H., Kleiber M. 2006. The Asian Conventional Military Balance in 2006: Total and Sub-Regional Bal-ances: Northeast Asia, Southeast Asia, and South Asia. CSIS Arleigh A. Burke Chair in Strategy. <http://csis.org/publication/asian-conventional-military-balance-2006>
10. SIPRI. 2011. Military Expenditure Database. <http://www.sipri.org/research/armaments/milex>
11. Jakobson L., Holton P., Knox D., Peng J. 2011. China's energy and security relations with Russia: Hopes, frustra-tions and uncertainties. SIPRI Policy Paper, 29 October 2011.
12. US DoD. 2011. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2011: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
13. US DoD. 2009. Military Power of the People's Republic of China 2009: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
14. US DoD. 2008. Military Power of the People's Republic of China 2008: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
15. См.: Понамарев С. 2007. КНР: Новая великая морская держава? // Индекс безопасности, том 13, №2 (82).
16. Gill B., Huang C.-H. 2009. China's expanding role in peacekeeping: Prospects and policy implications. SIPRI Policy Paper, 25 November 2009.
17. Cordesman A.H., Kleiber M. 2006. The Asian Conventional Military Balance in 2006: Total and Sub-Regional Bal-ances: Northeast Asia, Southeast Asia, and South Asia. CSIS Arleigh A. Burke Chair in Strategy. <http://csis.org/publication/asian-conventional-military-balance-2006>
18. Norris R.S., Kristensen H.M. 2006-1. U.S. nuclear forces, 2006 // Bulletin of the Atomic Scientists, V. 62:68, DOI: 10.2968/062001020. <http://bos.sagepub.com/content/62/1/68>; Norris R.S., Kristensen H.M. 2006-2. Russian nuclear forces, 2006 // Bulletin of the Atomic Scientists, V. 62:64, DOI:10.2968/062002018. <http://bos.sagepub.com/content/62/2/64>; Norris R.S., Kristensen H.M. 2006-3. Chinese nuclear forces, 2006 // Bulletin of the Atomic Scientists, V. 62:60, DOI:10.2968/059006016. <http://bos.sagepub.com/content/62/3/60>.
19. US DoD. 2005-2009. Military Power of the People's Republic of China 2005, 2006, 2007, 2008, 2009: Annual Report to Congress; US DoD. 2010-2011. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010, 2011: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
20. Gill B. 2010. China and nuclear arms control: Current positions and future policies. SIPRI Insight on Peace and Security, No.4, April 2010.